

А.А. Белоус

Иркутский государственный университет

**Русская стихия или духовная пустыня?
(к интерпретации образа Ставрогина
в русской эмигрантской критике 20–30-х годов XX века)**

Аннотация: В статье рассматриваются подходы к анализу образа Ставрогина двух ярких представителей русской эмиграции С.И. Гессена и Б.П. Вышеславцева. Первый отталкивается от понятия русской стихии, смежного с мифологией и заимствованного из натурфилософии. Попутно автор пользуется суждениями психоанализа. Второй исходит из христианской антропологии личности и метафизического понимания свободы. Главный вопрос для него – идейное наполнение персонажа. Различие подходов приводит к диаметрально противоположным интерпретациям образа героя Достоевского.

The article deals with methods of approach to the analysis of Stavrogin's image by two vivid representatives of Russian immigration. S.I. Hessen and B.P. Vysheslavtzev. The former proceeds from the idea of Russian elements adjacent mythology and adopted from natural philosophy. At the same time the author applies conceptions of psychoanalysis. The latter proceeds from christian anthropology of a personality and metaphysical conception of freedom. The main problem for him is moral content of a personality. The difference of these methods of approach is the result of diametrically contrary interpretation of Dostoyevsky's hero image.

Ключевые слова: русская эмиграция, Вышеславцев, Гессен, Достоевский, Ставрогин, русская стихия, психоанализ, свобода, почва, добро, зло.

Russian immigration, Vysheslavtzev, Hessen, Dostoyevsky, Stavrogin, Russian elements, psycho-analysis, freedom, ground, good, evil.

УДК: 882 (092) Достоевский.

Контактная информация: Иркутск, ул. Карла Маркса, 1. ИГУ, факультет филологии и журналистики. Тел. (3952) 243995. E-mail: voloshnikova@rambler.ru.

Первая мировая война и события в России в начале XX века, утрата гуманистических ценностей, явление миру человека-зверя возродили острый интерес к вопросу философской и религиозной антропологии личности, к проблеме свободы, к первопричинам добра и зла. Все это послужило толчком для нового взлета внимания интеллектуалов к творчеству Ф.М. Достоевского и к образу Николая Ставрогина как выразительной и многогранной персонификации зла. В 20–30-е годы появилось множество направлений исследований по данной теме. К примеру, функциональный взгляд советских литературоведов привел к утрате метафизического содержания произведений Достоевского, а зарубежной эмиграцией кристаллизовались именно эти аспекты, хотя и с различными смысловыми обертонами. В этой связи интересно сопоставить статьи «Русская стихия у Достоевского» Б.П. Вышеславцева и «Трагедия зла (Философский смысл образа

Ставрогина)» С.И. Гессена – двух видных представителей эмигрантской критики названного периода. Оба критика избирают предметом своей философской и литературоведческой рефлексии образ Николая Ставрогина.

У Б.П. Вышеславцева отношение к Ставрогину выражается сквозь призму понятия «русская стихия». «Все самое великое и самое страшное, что носилось перед Достоевским, он вкладывает ему в душу, ему приписывает», – говорит критик о Ставрогине [Вышеславцев, 1996, с. 590]. Он относит Ставрогина к безусловным носителям стихийности, порождающей хаос души, ее непредсказуемость и беспредельность – все то, что издревле носило название русской стихии и считалось органичной формой национальной жизни. В представление, смежное с мифологией и заимствованное из натурфилософии, Вышеславцев пытается вместиť всю полноту откровения Достоевского о России и национальных типах.

Само понятие русской стихии у Вышеславцева, однако, номинативно, символично, изобразительно, экспрессивно и пригодно скорее для описания, чем для анализа, так как не выявляет генезис образа и предлагает лишь эстетическую шкалу оценки явлений. Применительно к характеристике метафизики Достоевского его явно недостаточно. Не случайно сам Б.П. Вышеславцев не находит предметного определения русской стихии и ограничивается лишь выразительными ассоциациями: «нечто духовно-душевное, не материальное, хотя она связана с материальной природой и из нее черпает порою свои настроения», или «бессознательная и подсознательная стихия бушующих в человеке или обществе страстей» [Вышеславцев, 1996, с. 591]. Иными словами, речь идет о некоем сонме неуправляемых сил, сформированных «почвой» и выплескивающихся в моменты «аффекта бытия» в поступке. Обращение Вышеславцева к понятию русской стихии также может иметь причиной его интерес к психоаналитической школе К.-Г. Юнга, с которым он сближается в это время.

Вышеславцев отмечает, что сам Достоевский, как художник, говорит о русской стихии преимущественно образами и редко – прямо и непосредственно. О дно из таких мест критик обнаружил в записной книжке писателя: «Необъятная сила непосредственная, ищущая покою, волнующаяся до страдания и с радостью бросающаяся – во время исканий и странствий – в чудовищные уклонения и эксперименты, до тех пор, пока не установится на такой сильной идее, которая вполне пропорциональна их непосредственной животной силе, – идее, которая до того сильна, что может, наконец, организовать эту силу и успокоить ее до елейной тишины» [Вышеславцев, 1996, с. 587].

Автор утверждает, что русская стихия берет истоки в древности, оттуда идет подсознательная животная сила, яростная стихия бога Ярилы, которая жила и в Стеньках Разиных, и в Емельках Пугачевых, и в хлыстовстве, и в скопцах. Вышеславцев убежден, что все три категории людей – духа, души и тела – сформированы у Достоевского из одной и той же стихии, причем Ставрогина он относит к индивидам с «пламенеющим духом» и «титаническими замыслами», отмечая у него еще одну особенность национального характера – высокую степень душевного напряжения как способ проживания своей жизни. Над этой мощной стихией первозданного хаоса, считает он, могли носиться «только мощные формирующие идеи, и они были Бог, Христос и православие, с одной стороны... и полный атеизм, нигилизм, бунт и разрушение – с другой стороны» [Вышеславцев, 1996, с. 588]. К несчастью, созидательные силы Ставрогина не преодолели бушующий хаос, и он погиб в стихии безумия. «Вот русская стихия во всем ее трагизме», – подытоживает автор.

Тем не менее, в самой русской стихии Вышеславцев ищет спасение человека, приводя в подтверждение своей заветной мысли слова Достоевского: «Но зато с такою же силою, с такою же стремительностью, с такою же жаждою самосохранения и покаяния русский человек, равно как и весь народ, и спасает себя сам, и обыкновенно, когда дойдет до последней черты, то есть когда уже идти больше

некуда» [Там же, с. 594]. Иными словами, залогом надежды на спасение души служит энергия жизни, ее напряжение, всегда присутствующие в жизненной стихии («аффект бытия», по словам автора), ведь разрушение и созидание (восстановление) может происходить лишь в живом организме, в этом процессе «не поможет никакая дисциплина, никакая цивилизация» [Вышеславцев, 1996, с. 594]. Лишь в конце жизни мыслитель осознает тщетность этих чаяний. В письме к протоиерею Сергию Булгакову он напишет: «спасает... прямое обращение к Богу, молитва» [Казарян].

В качестве альтернативы представленному выше анализу можно рассмотреть интерпретацию С.И. Гессена, который не только не относит Ставрогина к носителям мощи неких стихийных сил, но и отказывает ему в «жизненной силе», утверждая, что из гордости и презрения к людям Ставрогин готов нести тяжесть любого своего каприза, жестоко наказывать себя, но он «не может нести... бремени жизни» [Гессен, 1996, с. 677]. Если Вышеславцев приписывает Ставрогину «все самое великое и самое страшное, что носилось перед Достоевским», то Гессен видит у Ставрогина духовную пустыню и атрофию души. Отсутствие жизненной силы проявляется, прежде всего, в несбыточности любви. «Никогда никого не могу я любить», – говорит Ставрогин. Даже поиск веры у него происходит «без всякого великодушия и без всякой силы» [Достоевский, 1990, с. 628]. «Ставрогин обречен не потому, что он совершил преступление, которому якобы «нет прощения», – пишет Гессен, – а потому, что совершенное отсутствие в нем любви и невозможность для него преодолеть то уединение, в которое его загнала гордость, отрывают ему всякий раз путь к Богу как всепрощающей бесконечной любви» [Гессен, 1996, с. 643].

Для С.И. Гессена главный вопрос заключался в идейном наполнении персонажей, ибо «подлинное лицо есть у Достоевского всегда воплощение идеи, проявляющейся, однако, как метафизическая сила во всем образе действий данного лица, а не в одном только его мышлении или словах» [Гессен, 1996, с. 671]. Отвечая на вопрос, что заставляет Ставрогина искать веру и испытывать себя, идя на «чудовищные эксперименты», Гессен формулирует ответ однозначно: свобода личности, свобода выбора. «Начало свободы» в человеке трансцендентально, вытекает из потенциально живущей в нем силы автономии духа и заставляет исходить из должного, считает Гессен. В этом ключе им специально анализируется проблема преступления как нарушения закона в самом широком толковании (особенно актуальная для Ставрогина) и как симптома разлада между законностью и жизнью.

Несмотря на то, что сам Достоевский говорил о Ставрогине как о злодее, большинство критиков видели в герое едва ли не положительный образ, жертву рока. В заблуждение вводит трагичность образа, заставлявшая аналитиков толковать идею романа как добро, подпавшее злу. По мнению же Гессена, в «Бесах» «главным героем метафизического действия... является... самое зло, трагедия которого и символизирована в образе Ставрогина» [Гессен, 1996, с. 677]. Этим утверждением Гессен вступает в полемику с критиками, усматривающими в Ставрогине «потребность креста» (в частности, ссылаясь на его «исповедь» в главе «У Тихона») и искреннего покаяния, открывающего перед ним новую жизнь в духе ненаписанного «Жития великого грешника». Эта версия, считает Гессен, противоречит метафизической сущности «безродного» и духовно бесплодного Ставрогина, для которого даже исповедь – это «новый, неожиданный и непочтительный вызов обществу» [Там же, с. 680]. «Исповедь» Ставрогина «дело бесполезное, дело беса, овладевшего этим господином» [Там же, с. 680].

Говоря об архитектонике романа, Гессен называет образ Ставрогина «солнцем», вокруг которого вращаются все остальные «планеты-персонажи». Образы Кириллова и Шатова, по Гессену, воплощают основное противоречие ставрогинской души между неверием и рассудочными порывами к вере. Кириллов исповедует насажденный атеизм, а Шатов – надрывную рассудочную веру в Бога. У само-

го же наставника нет в помине ни воодушевления, ни вдохновения, ни восторгов: он давно сделал свое существование предметом холодной рефлексии [Там же, с. 672]. Критик видит, что «он разложил себя, как начало жизни, и сделался уже началом смерти» [Гессен, 1996, с. 672]. Рассматривая связку Ставрогин – Петр Верховенский, Гессен отмечает «бесспорное демоническое влияние» «Ивана Царевича» на поклонника: «Вам ничего не стоит пожертвовать жизнью, и своей, и чужою». Анализируя отношения героя с женщинами романа, Гессен приходит к выводу об их абсолютной бесплодности. Собственное бессилие, необходимость носить маски, тотальная ложь во взаимоотношениях с людьми – все это так унижает гордость, что постепенно Ставрогин сворачивает все человеческие контакты, – абсолютная изоляция становится для него реальностью.

Сравнение подходов Б.П. Вышеславцева и С.И. Гессена к анализу образа Ставрогина позволяет сформулировать следующие выводы:

– В рассмотренной статье Вышеславцева неточность интерпретации образа порождаются опорным для автора понятием «русская стихия», не имеющим отчетливого определения ни в науке, ни в религии. Русская стихия порождается «почвой», то есть природой и национальной историей, истоки ее лежат в языческом прошлом народа и отражаются в его генетическом и культурном коде. Основной вывод Вышеславцева: Ставрогин – носитель русской стихии, личность «неистовая, яростная, ни в чем не знающая меры», концентрирующая в душе «электрические разряды» высоких и низменных страстей. Для «покорения» стихийных сил Ставрогин уповает на христианскую веру, однако стихия все же побуждает его, приведя к духовной энтропии.

– Гессен однозначно относит Ф.М. Достоевского к христианским художникам и в своих оценках пользуется тем же «уставом», что и писатель, не изобретая новых понятий и не привлекая инородных. Все его выводы лежат в русле христианской антропологии и эсхатологии. В соответствии с концепцией Гессена, Ставрогин в финале полностью лишается самоидентификации, что означает фатальную утрату личности. Воля Ставрогина находится в распоряжении рассудка, заполненного отвлеченностями, не одухотворенного чувством, а потому бесплодного. Главный вывод Гессена: Ставрогин – тип «лишнего человека», «странника», «приживальщика», порожденного реформами Петра, вырванными «трагическую пропасть между народом и интеллигенцией» [Гессен, 1996, с. 668]. Беспочвенные личности пусты, так как не имеют веры, а поэтому не имеют ни любви, ни жизни, ни содержания. Душевная пустота порождает бесовщину и имитацию жизни. Их удел – разложение и смерть. Интерпретация Гессена представляется более адекватной и созвучной концепции самого писателя, а также более продуктивной для разрешения тех метафизических проблем, которые встают столь остро и трагично в начале XX века.

Литература

Вышеславцев Б.П. Русская стихия у Достоевского // «Бесы»: Антология русской критики / Сост., подгот. текста, посл., коммент. Л.И. Сараскиной. М., 1996.

Гессен С.И. Трагедия зла: Философский смысл образа Ставрогина // «Бесы»: антология русской критики / Сост., подгот. текста, послесл., коммент. Л.И. Сараскиной. М., 1996.

Достоевский Ф.М. Собр. соч.: В 15 т. Л., 1990. Т. 8.

Казарян А.Т. Вышеславцев // Православная энциклопедия. [Электронный ресурс]. Режим доступа: www.pravenc.ru/text/161127.html.